

личественным и качественным параметрам и критериям на основе данных, представленных рабочими группами стран-участниц. Доклад Группы по Болонскому процессу конференции министров образования, представляющий результаты каждого двухлетнего цикла³⁸, опирается на данные мониторинга «Анализ Болонского процесса» («Bologna process stocktaking»³⁹), результаты семинаров, данные национальных докладов, доклады рабочих групп, разрабатывающих предложения и рекомендации по приоритетным направлениям сотрудничества. Кроме того, при анализе достигнутого используются результаты специальных исследований, прежде всего исследования «Тенденции развития образовательных структур»⁴⁰, направленного на оценку изменений, происходящих на институциональном уровне; а также данные по тенденциям развития Болонского процесса в странах-участницах, предоставляемые информационной сетью ЕВРИДАЙС⁴¹.

Все исследования нацелены на выявление факторов успеха в формировании общеевропейского образовательного пространства.

Таким образом, хотя ОМК и не принят как официальная основа кооперации, *de facto* в рамках Болонского процесса действуют все

основные компоненты ОМК: согласованные принципы и цели, индикаторы анализа прогресса, многоуровневый мониторинг и обмен наилучшими практиками, итеративный процесс обучения, реализация в рамках национальной политики и законодательства.

Накопленный потенциал является существенным ресурсом для развития кооперации на основе ОМК в Сообществе и дальнейшего объединения усилий для формирования общеевропейского пространства высшего образования.

Эффективность участия российской высшей школы в формировании общего пространства высшего образования в Европе и реализации целей создания общего пространства образования России и ЕС в значительной степени будут зависеть от широкого внедрения всего спектра инструментов ОМК в практику международного сотрудничества России в сфере образования. При этом необходимо, чтобы процесс внедрения осуществлялся на всех уровнях: институциональном, региональном, национальном, одновременно с существенным расширением возможностей горизонтального обмена релевантным знанием на нескольких уровнях и организации когнитивного потока снизу вверх.

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ УЧАСТИЯ В ПРОГРАММАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ВУЗОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Л.В. Дериглазова, И.Ю. Каратаева*

Тема международной академической мобильности российских научно-преподавательских кадров в последние годы вызывает все больший интерес. Он обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, в начале 1990-х гг.

исчезла жесткая регламентация участия российских регионов в международных связях, что повлекло за собой активизацию международных контактов различного уровня, в том числе на уровне вузов и академических инс-

³⁸ Например, последний доклад «От Берлина к Бергену» («From Berlin to Bergen» General report of the Bologna Follow-up Group to the Conference of European Ministers responsible for Higher Education, Oslo, 2005).

³⁹ «Bologna process Stocktaking», Report from a working group appointed by the Bologna Follow-up Group to the Conference of European Ministers responsible for Higher Education, Bergen, 2005.

⁴⁰ «Trends IV: European Universities Implementing Bologna» Sybille Reichert and Christian Tauch, EUA/EC, 2005.

⁴¹ «Focus on the Structure of Higher education in Europe 2004/2005. National Trends in the Bologna Process», The Information network on education in Europe, EURYDICE, 2005.

* Материал подготовлен Л.В. Дериглазовой, кандидатом исторических наук, доцентом кафедры мировой политики исторического факультета Томского государственного университета (ТГУ), и И.Ю. Каратаевой, кандидатом физико-математических наук, доцентом кафедры теоретической физики физического факультета ТГУ. Статья подготовлена в рамках выполнения гранта «Научно-методическое обеспечение создания и функционирования региональной информационно-консультационной сети Сибирского региона по мобильности ученых,

титутув. Во-вторых, снятие государственного контроля над международными контактами вузов в значительной степени облегчило установление и развитие прямых контактов с зарубежными коллегами и университетами. Изменились возможности участия столиц и регионов в международных программах, что было связано с уменьшением контроля за распределением таких поездок из центра. Можно сказать, что до известной степени произошла децентрализация распределения ресурсов, выделяемых на международное сотрудничество.

Среди других причин, привлекающих внимание к этой теме, противоречивая в своих проявлениях проблема интеграции российской науки в международное академическое пространство и связанная с этим так называемая «утечка мозгов», т. е. выезд значительного числа высококвалифицированных российских ученых за рубеж для длительного проживания и работы. Эта проблема по-разному оценивается – от нейтральных констатирующих обзоров до алармистских оценок и требований восстановить контроль над учеными, участвующими в международных проектах. Особую тревогу вызывает участие в международном сотрудничестве тех ученых, которые работали с военными технологиями. В последние годы нередко судебные разбирательства, когда ученые обвиняют в разглашении и передаче секретной информации за рубеж.

Активное участие в международной академической мобильности (ММ) стало неотъемлемой частью жизни российского научного сообщества. В последние годы задача включения России в международное академическое пространство, и особенно европейское, рассматривается как важная цель, к которой необходимо стремиться. ММ априори рассматривается как показатель успешности и признания, как заслуга отдельного ученого, так и вуза или организации в целом. Такое отношение оправдано потому, что большая часть программ ММ является конкурсами, причем уровень конкурсов имеет наднациональный характер и, соответственно, степень конкурен-

ции на порядок выше, чем на национальном уровне. Участие в международных академических программах указывает на значимость исследования, его международное значение. Участие в международных программах включено в систему определения рейтингов университетов и является обязательным пунктом при оценке профессиональной деятельности профессорско-преподавательского состава (ППС) вузов. Международную академическую мобильность российских ученых начинают изучать для того, чтобы найти слагаемые успешной модели их вхождения в мировое академическое пространство.

В данном обзоре предпринята попытка выявить особенности участия высших учебных заведений Сибирского региона в международной академической мобильности. В основе данной работы лежит следующее базовое утверждение: интенсивность участия в международной академической мобильности определяется совокупностью факторов, которые условно можно разделить на три группы: объективные, структурные и субъективные.

Объективные факторы отражают общее состояние региона, науки, образовательной сферы и международных контактов. К объективным факторам можно отнести: наличие возможностей для ММ (открытость региона, страны); наличие программ, в которых могут участвовать российские ученые, в том числе программ, направленных на Россию; доступ к информации о ММ; соответствие предложения (имеющихся программ) спросу (существующему пулу специалистов в данной области).

Структурные факторы определяются особенностью функционирования образовательных и академических учреждений, что проявляется в формировании стратегии, направленной на усиление международной академической мобильности. К ним могут быть причислены: степень вовлеченности учреждения в международные связи; обучение или вовлечение в научную деятельность зарубежных ученых, в том числе обучение иностранных студентов; научно-техническое сотрудничество; обладание уникальными научными разра-

---

студентов и аспирантов России и ЕС», шифр темы: 02.453.11.7013 – 2/1170. Авторы благодарят руководителя гранта С.Л. Ляховича, доктора физико-математических наук, профессора кафедры квантовой теории поля физического факультета ТГУ за стимулирующие обсуждения. Авторы благодарят Управление международных связей ТГУ, заместителя начальника управления О.М. Шадуйко; проректора по международным связям Новосибирского государственного технического университета (НГТУ) профессора Е.Б. Цой; начальника Отдела международных связей и протокола НГТУ А.М. Гушину; и Отдел международных отношений Томского государственного архитектурно-строительного университета (ТГАСУ) за предоставленную информацию о международной академической мобильности своих сотрудников и помощь в проведении анкетирования.

ботками и их активный маркетинг, стратегия учреждения, направленная на развитие международных контактов.

Субъективные факторы определяются индивидуальными особенностями поведения людей, стремящихся к международным поездкам в рамках своей профессиональной деятельности. К ним можно отнести: личную мотивацию (активность, инициатива, самостоятельный поиск возможностей); знание иностранного языка на уровне, который предполагает свободное общение, умение излагать устно и письменно полученные результаты, грамотно вести дискуссию; профессиональный уровень, квалификацию (признание на национальном и международном уровне); занимаемый статус в учреждении («представительская» мобильность); личные контакты и связи.

Объективные и структурные факторы можно выявить на основе общих данных об университетах. Субъективные факторы исследовались методом опроса, а также через оценку данных об участии профессорско-преподавательского состава вузов в МАМ. При проведении исследования использовалось несколько приемов выявления количественных и качественных характеристик МАМ региональных вузов. Были учтены общие показатели изучаемых университетов: численность ППС; соотношение кандидатов наук, докторов наук и преподавателей, не имеющих степени; количество диссертационных советов; наличие международных партнеров (договоров о сотрудничестве); данные об участии вуза в международных коллективных и индивидуальных грантах. Принималась во внимание также общая оценка вуза в масштабах страны по шкале рейтингов университетов одного профиля (рейтинг Министерства образования РФ, 2005). Полученные данные позволили выявить общие и различающиеся характеристики университетов, участвовавших в исследовании: Томского государственного университета (ТГУ), Томской государственной архитектурно-строительной академии (ТГАСУ) и Новосибирского государственного технического университета (НГТУ).

Выбор университетов обусловлен возможностью организации участия вуза в двух этапах исследования: сбора и предоставления данных об участии преподавателей и студентов вуза в программах, связанных с МАМ, и проведения анкетирования среди преподавателей, имеющих опыт участия в таких проектах. Таким образом, данное исследование носило зондажный характер, хотя обнаруженные

интересные особенности участия региональных вузов в международной академической мобильности подтверждают и частично опровергают общероссийскую статистику.

Влияние объективных и структурных факторов на уровень международной академической мобильности вузов Сибирского федерального округа

Анализ объективных и структурных факторов, определяющих степень участия региональных вузов в МАМ, был проведен в рамках совместного проекта ТГУ и ГУ ВШЭ по оценке научного потенциала региона и выявлению факторов, влияющих на международную мобильность. При анализе доли вузов Сибирского федерального округа (СФО) в научном потенциале региона следует иметь в виду, что большая часть научно-исследовательской работы приходится именно на вузы. По данным государственной статистики, из всех научно-педагогических кадров в вузах и научных учреждениях Министерства образования РФ (2004 г.), 94,2% приходилось на профессорско-преподавательский состав и только 5,8% – на научных работников, из них 81,9% обладали степенью кандидата наук и 18,1% – докторской степенью. В СФО эти показатели выглядели следующим образом – 95,1% приходилось на профессорско-преподавательский состав и только 4,9% – на научных работников, из них 82,2% обладали степенью кандидата наук и 17,8% – докторской степенью. Таким образом, данные по СФО полностью соответствовали показателям по России в целом [16, с. 30; 15, с. 25].

По доле докторов и кандидатов наук в общей численности научно-педагогических работников вузов и научных организаций два федеральных округа превосходили общероссийские параметры (10,6% – доктора и 47,8% – кандидаты наук): Центральный – 11,8% и 50,1%, в том числе Москва – 12,9% и 49,2%; Северо-Западный – 13,4% и 49,7%, в том числе Санкт-Петербург – 15% и 49,9%. Два других федеральных округа приближались к общероссийскому уровню: Приволжский – 9,5% и 48,1% и Сибирский – 9,2% и 42,8% [15, с. 28]. Внутри СФО соотношение докторов и кандидатов наук в численности научно-педагогических работников вузов и научных организаций почти полностью соответствовало и даже превос-

ходило общероссийские параметры: Новосибирская область – 13,1% и 43,1%; Алтайский край – 9,5% и 50,1%; Томская область – 10,7% и 42,9% [16, с. 31].

При анализе данных параметров следует обратить внимание также на распределение численности научно-педагогических работников вузов в СФО (2001 г.). По этому показателю лидером являлась Новосибирская область (17% от общей численности профессорско-преподавательского состава СФО); за ней следуют Красноярский край (14,4%), Томская область (14,1%), Иркутская область (12,3%) и Алтайский край (10,3%). По числу научных работников отмечено явное лидерство Томской области – 59,9%; за ней следуют Иркутская область (10,8%) и Красноярский край (8,5%). Эти показатели указывают на явную концентрацию научных кадров в вузах Томской области, что в меньшей степени характерно для других субъектов РФ. Сопоставительный анализ данных 2001 г. и 2004 г. показывает, что численность научных кадров в вузах Томска увеличилась на 10%, а в других регионах, напротив, резко сократилась: в Красноярском крае в 2 раза и в 1,5 раза в Новосибирской области. Незначительно увеличилось число научных кадров в Иркутской области (на 2,8%) [16, с. 32; 14, с. 29].

Анализ данных по распределению научных кадров в наукоградах страны и региона показал, что СФО занимает 3-е место по числу научных центров после Центрального и Уральского округа. Достаточно высок и научный потенциал СФО: часть показателей соответствует среднему уровню по стране, часть – приближается к уровню двух столичных регионов, имеющих наивысшие показатели научного потенциала. Внутри СФО важно отметить отличие двух региональных лидеров в области высшего образования и науки – Новосибирска и Томска. В Томске по количественным показателям преобладает вузовская наука – теоретическими и прикладными исследованиями занимаются специалисты, занятые преимущественно в сфере образования, либо совмещающие научные исследования и преподавание. В Новосибирской области явно преобладает науч-

но ориентированный подход, не обязательно подразумевающий совмещение научной деятельности с работой в высшей школе. Отмеченная тенденция отразилась на соотношении численности кадров высшей научной квалификации – кандидатов и докторов наук – в Новосибирске и Томске, так как обучение в аспирантуре и докторантуре является системой подготовки научных кадров и в большей степени связано с вузовской системой.

Анализ распределения международного финансирования академических программ показывает, что в целом по России 60–75% индивидуальных и коллективных грантов (75% всех грантов МНФ¹, около 60–70% грантов CRDF² и ИНТАС³, около 60% грантов NOW⁴) приходится на два столичных региона (Москву и Санкт-Петербург). По мнению И.Г. Дежиной, такое распределение – около 60% в пользу столичных центров – отражает реальное распределение научного потенциала страны, точнее, его высокую концентрацию в столицах [6]. В 1990-е гг. получила развитие так называемая «положительная дискриминация» со стороны зарубежных грантодателей, т. е. ориентация и квотирование в пользу региональных вузов и ученых для преодоления засилья столичных кадров, «демократизация» распределения ресурсов и стимулирование региональных центров. При проведении данного обследования было зафиксировано постоянное увеличение участия региональных вузов в международных программах как следствие более активного присутствия в регионе представительств международных программ и ориентации вузов на активизацию МММ.

В работе А.Л. Арефьева «Зарубежные стажировки: социологический анализ», опубликованной в январе 2004 г., утверждается, что «стажеры из региональных вузов несколько чаще, чем их столичные коллеги, выезжают на стажировку за границу за счет иностранных грантов, что в определенной мере отражает имеющееся столкновение (конкуренцию) финансово-экономических интересов столичных и провинциальных вузов, а по большому счету – известное соперничество центра и регио-

¹ Международный научный фонд (International Foundation for Science, ISF www.ifs.se).

² Американский фонд гражданских исследований и развития (Civilian Research and Development Foundation, CRDF www.crdf.ru).

³ Международная ассоциация по продвижению сотрудничества с учеными постсоветских государств (The International Association for the Promotion of Co-operation with Scientists from the New Independent States (NIS) of the Former Soviet Union, INTAS www.intas.be).

⁴ Национальная женская организация (National Organization for Women, NOW www.now.org).

Таблица 1. *Выполнение вузами Министерства образования России научных исследований в рамках международного сотрудничества в федеральных округах (2000 г.)*

Показатели по федеральным округам	Программы и проекты Минобрнауки РФ		Программы и проекты других министерств		Зарубежные гранты		Зарубежные контракты	
	Кол-во	Объем, тыс. руб.	Кол-во	Объем, тыс. руб.	Кол-во	Объем, тыс. руб.	Кол-во	Объем, тыс. руб.
Всего	24	22159,0	23	25233,9	709	253526,0	439	186404,0
В том числе федеральные округа:								
Центральный	14	3558,9	20	24880,1	85	23576,2	125	68739,4
В том числе Москва	14	3558,9	20	24880,1	39	13330,0	108	62531,0
Северо-Западный	1	250,3	0	0	144	46810,5	142	55849,6
В том числе Санкт-Петербург	1	250,3	0	0	65	20668,9	130	49558,1
Южный	2	2594,2	0	0	48	13261,3	40	9282,7
Приволжский	1	2396,0	1	158,8	123	54084,0	34	8992,7
Уральский	3	3170,2	0	0	25	7740,5	21	4454,3
Сибирский	2	4212,5	2	195,0	179	81668,6	61	36975,8
Дальневосточный	1	5976,9	0	0	105	26384,9	16	2109,5

нов». Арефьев приводит данные, косвенно подтверждающие его аргументы (Табл. 1).

Арефьев интерпретирует данные таблицы следующим образом: «...согласно приведенной в таблице статистике, зарубежные гранты (более 85% от их количества и с объемом финансирования 86,6% от общей суммы средств по всем иностранным грантам) получают, прежде всего, провинциальные вузы и их представители, ибо западные грантодатели считают вузы из российской глубинки, их сотрудников, аспирантов и студентов более нуждающимися в иностранной финансовой помощи и поддержке. Однако вузы Москвы и Санкт-Петербурга компенсируют определенную “обделенность” иностранными грантами большим количеством (54,4%) выполненных зарубежных контрактов, объем финансирования по которым в 2000 г. превысил 60% всего объема средств, приходившихся на зарубежные контракты всех вузов системы Минобрнауки Российской Федерации» [1]. Эти цифры противоречат данным и выводам И.Г. Дежиной и, скорее, свидетельствуют о сохранении проблемы учета участия российских ученых в международных программах.

Тем не менее данные, представленные в таблице, указывают на то, что Сибирский федеральный округ превосходит по количеству и объему зарубежных грантов Москву и Санкт-Петербург, однако уступает (почти в

2 раза) по количеству и объему зарубежных контрактов. Лидерство трех федеральных округов (Центрального, Северо-Западного и Сибирского) по объемам и количеству зарубежного финансирования научных проектов очевидно. Эти общие выводы подтверждаются статистикой Министерства образования РФ за 2000-е гг.

Финансирование научно-исследовательских работ в масштабах высшего образования РФ осуществлялось из следующих источников: зарубежные гранты – 35,5%; РФФИ – 26,4%; гранты Министерства образования РФ – 14%; РГНФ – 5,7%; конкурсы субъектов РФ – 4,7%. Причем в университетах распределение выглядело следующим образом: зарубежные гранты – 36,3%; РФФИ – 26,3%; гранты Министерства образования РФ – 13,7%; РГНФ – 5,8%; конкурсы субъектов Федерации – 4,8%, т. е. фактически повторяет распределение в рамках всей страны [13, с. 88]. По данным 2004 г. распределение источников финансирования выглядело следующим образом: зарубежные контракты – 47,7%; зарубежные гранты – 46,2%; 5,5% – по линии Министерства образования РФ и 0,6% – за счет программ и проектов других министерств, ведомств, служб, РАН [15, с. 109].

96% всех зарубежных грантов получили университеты. В 2004 г. по объему зарубежных грантов среди субъектов РФ лидировали: Цент-

ральный федеральный округ – 24,6%, Сибирский федеральный округ – 23,4% и Северо-Западный федеральный округ – 20% [15, с. 111]. В СФО по объему полученных зарубежных грантов лидировали: Томская область (33%), Новосибирская область (28,4%) и Красноярский край (12,8%) [16, с. 143]. Эти данные еще раз подтверждают преимущественно вузовский характер науки в СФО, а также демонстрируют результаты «положительной дискриминации» распределения средств в пользу региональных центров.

В 2004 г. страновое распределение грантов в системе высшего образования по стране в целом выглядело следующим образом: 54% приходилось на европейские гранты и контракты; 33,9% – на американские; 11,8% – азиатские. По объему финансирования: 49,7% – европейские; 35,9% – американские; 14,1% – азиатские программы, причем по сравнению с 2001 г. заметно вырос объем финансирования в рамках азиатских программ (+ 5%).

По СФО зарубежные контракты и гранты обеспечивали 19% научных исследований, 51,3% – обеспечивалось по хоздоговорам, и только 16,7% – за счет поддержки Министерства образования РФ. В СФО большая часть НИР осуществлялась в Томской области – 46%; в Новосибирской – 15,7% и Красноярском крае – 14,4%. По линии Министерства образования РФ соотношение распределения средств по субъектам федерации было сходным. По линии Министерства промышленности и науки РФ также повторялась тенденция распределения средств – лидировала Томская область – 49,3%, за ней следовала Новосибирская область – 17,3%, и затем Иркутская область – 16,2% [14, с. 63, 66].

За последние три года произошли следующие изменения: зарубежные контракты и гранты обеспечивали 45,1% научных исследований, гранты Министерства образования РФ – 22,9%; РФФИ – 12,6%; РГНФ – 6,1%; субъекты федерации и местные бюджеты – 3,3%; другие конкурсы – 10%. В СФО большая часть НИР по грантам Министерства образования РФ осуществлялась в Томской области – 33%, Новосибирской области – 28,4% и в Красноярском крае – 12,8%. По грантам РФФИ лидировала также Томская область (42,7%). По количеству зарубежных грантов и контрактов лидировали Томская область (36,1%), Иркутская область (19,1%) и Кемеровская область (13%) [16, с. 163]. Страновое распределение количества зарубежных контрактов и грантов в СФО указывает на высокий процент европей-

ских грантов (51,9%) по сравнению с грантами, полученными от американских (33,3%) и азиатских (14,5%) грантодателей. Распределение объемов финансирования по зарубежным грантам подтверждает количественное распределение: европейские программы – 65,29%; американские – 19,22% и азиатские – 15,3% [16, с. 165].

Анализ масштаба вовлеченности вузов в международную деятельность почти всегда может быть сопоставлен с уровнем развития инфраструктуры обеспечения международного сотрудничества. Так, во всех вузах СФО, активно участвующих в международной деятельности в начале 1990-х гг. (в момент открытия региона для свободного международного сотрудничества), были созданы специальные административные структуры для поддержки и обеспечения участия в международных программах.

Особенности участия вузов Сибирского федерального округа в программах международной академической мобильности

После выявления общих характеристик вузов СФО в масштабах страны и степени участия в международных академических программах (выявления объективных и субъективных факторов) можно перейти к более детальному рассмотрению особенностей МАМ на примере трех региональных вузов: ТГУ, НГТУ и ТГАСУ. В рейтинге Министерства образования и науки РФ ТГУ занимает 5-е место среди классических университетов, НГТУ находится на 41–50-м месте в рейтинге технических и технологических университетов, ТГАСУ – на 112-м месте в рейтинге технических и технологических университетов (общее число технических и технологических университетов – 170). Общая характеристика вузов, участвовавших в обследовании, представлена в Табл. 2.

По итогам 2005 г., на основе данных, предоставленных управлениями международных связей университетов, был проведен анализ международной мобильности сотрудников и студентов вузов. Во внимание принимались следующие параметры:

- 1) ученый статус участника МАМ (студент, аспирант, кандидат наук, профессор);
- 2) должность (доцент, заведующий кафедрой, декан, ректор, проректор);
- 3) дисциплинарная принадлежность (гуманитарная, естественно-научная);

Таблица 2. Сводные данные по ТГУ, НГТУ и ТГАСУ (2005 г.)

Вуз	Численность ППС	Кол-во докторов наук	Кол-во кандидатов наук	Кол-во Советов по защите докторских диссертаций	Кол-во Советов по защите кандидатских диссертаций	Кол-во Советов по защите диссертаций	Кол-во студентов	Кол-во аспирантов	Кол-во докторантов	Данные о международных программах	НИР, выполняемые по зарубежным грантам (% от общего финансирования НИР*)
НГТУ	1518	236	677	10	1	11	21415	318	16	32 договора и 3 программы**	0
ТГУ	1206	262	690	19	6	25	22066	696	56	48 грантов и 6 контрактов*	22,22
ТГАСУ	600	66	289	2	1	3	9462	107	18	Н. д.	0

* Данные за 2004 г. по: Научный потенциал вузов Сибирского федерального округа. 2004 г. М., 2005.

** Данные за 2005 г. предоставлены Управлением международных связей НГТУ (2005 г.).

4) цель поездки (участие в конференции, стажировка, обучение);

5) география поездки (Европа, Америка (США, Канада), Азия и СНГ);

6) источник финансирования.

Полученные данные позволили выявить преобладающие формы МАМ, ее направленность и особенности. В ходе анализа не учитывались личные данные, точные указания на место работы, а также объем финансирования, но были сохранены существенные для анализа характеристики: должность, ученая степень, место назначения, сроки поездки, источники финансирования и цель поездки (в случае, если это было указано). Такие данные были предоставлены двумя университетами, участвовавшими в исследовании, – ТГУ и НГТУ.

Однако прежде чем перейти к анализу полученных данных, необходимо сделать существенную оговорку. Данные по участию сотрудников учреждения в международной академической мобильности не могут рассматриваться как исключительно полные, так как учреждение *не осуществляет контроль* над международными контактами и проектами своих сотрудников, особенно это относится к индивидуальным грантам. Большая информированность существует в отношении следующей группы грантов: 1) в случае, если университет является грантополучателем или субподрядчиком выполнения гранта (европейские программы «Темпус», «Тасис», «Интас»); 2) подразделение университета выступает в качестве исполнителя коллективного гранта; 3) проект осуществляется по инициативе университетских структур за счет средств самого

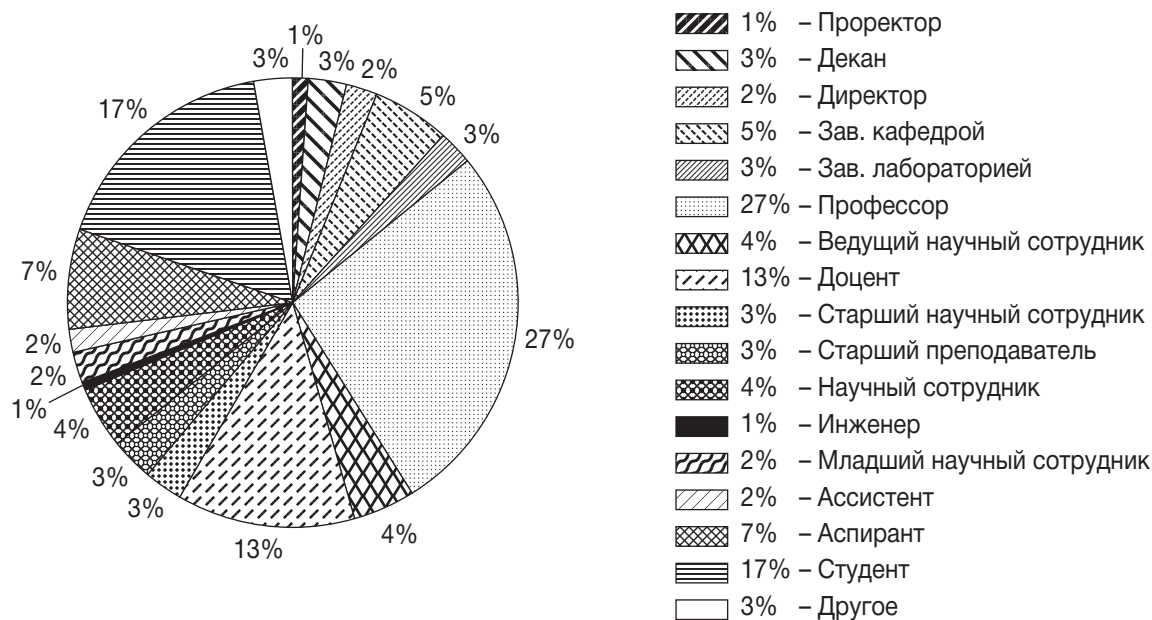
университета; 4) грантополучателю необходимо официальное подтверждение своего статуса в данном учреждении для получения гранта. В таких случаях информация о международной академической мобильности является в большей степени полной и достоверной. В случаях индивидуальных международных грантов финансирование и администрирование проектов может осуществляться автономно от университетских структур, путем прямого контракта между спонсором и получателем гранта.

Вследствие непродуманности системы налогообложения зарубежных грантов для российских ученых многие из них предпочитают не предоставлять информацию об объеме финансирования своего проекта, либо делают это в заведомо неполной форме. Нередки случаи, когда университетские структуры, курирующие сферу международных контактов, не располагают данными о зарубежных грантах своих сотрудников. Тем не менее приведенные данные позволяют увидеть определенные особенности международной академической мобильности указанных университетов.

По данным, предоставленным Управлением международных связей ТГУ, в 2005 г. в зарубежных поездках приняли участие 182 студента и сотрудника ТГУ. Дисциплинарное распределение показало преобладание представителей естественных наук – 58,5% (107 человек).

Распределение участников программ МАМ по положению, занимаемому в университете, представлено на *Рис. 1*.

Как можно заметить, наиболее активно в международных поездках принимали участие профессора (27%), студенты (17%), доцен-

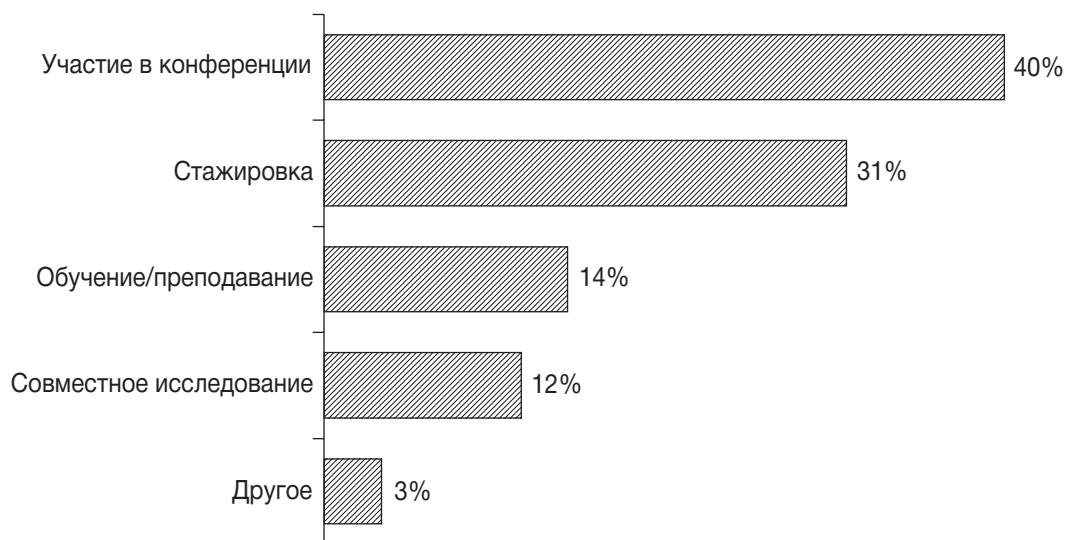
Рис. 1. Должностной статус участников программ международной мобильности, ТГУ (2005 г.)

ты (13%) и аспиранты (7%). Поездки научных сотрудников составляют меньшую долю в общеуниверситетской статистике: научные сотрудники и ведущие научные сотрудники – 4%, младшие научные сотрудники – 2%.

Изучение «представительской» мобильности, т.е. мобильности людей, занимающих высокое положение в административной иерархии университета (ректорат, деканы, директора, заведующие кафедрами и лабораториями), показывает, что наибольшую международную активность демонстрируют заведующие кафедрами (5%); далее следуют

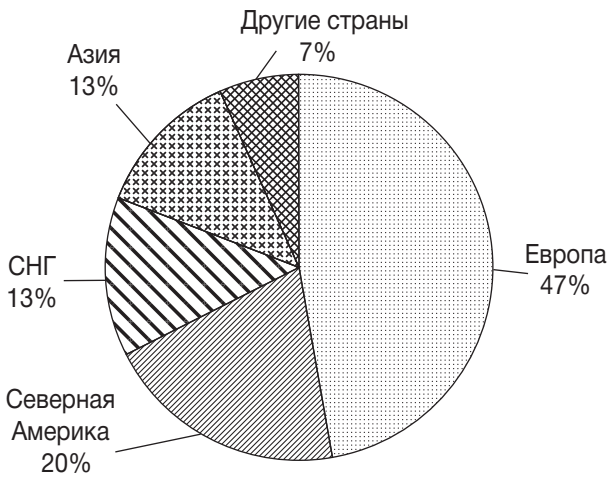
заведующие лабораториями, деканы (по 3%) и директора (2%). Наименьшая доля мобильности приходится на проректоров (1%) и инженеров (1%).

На основании приведенных данных можно предположить, что наиболее активно в международной мобильности принимают участие люди, которые действительно вносят существенный вклад в академическое содержание проектов, а «представительская» мобильность наиболее представлена заведующими кафедрами и лабораториями, т.е. структурными единицами университета, которые наиболее приближены

Рис. 2. Цели зарубежных поездок, ТГУ (2005 г.)

Рис. 3. Географическое распределение международной мобильности, ТГУ (2005 г.)

к организации международных академических программ и отвечают за организацию научных исследований в своих подразделениях. Важно отметить и степень участия студентов и аспирантов в программах международной мобильности (суммарно 24% = 17% + 7%), что свидетельствует о достаточно высокой включенности научной молодежи в международные программы университета.

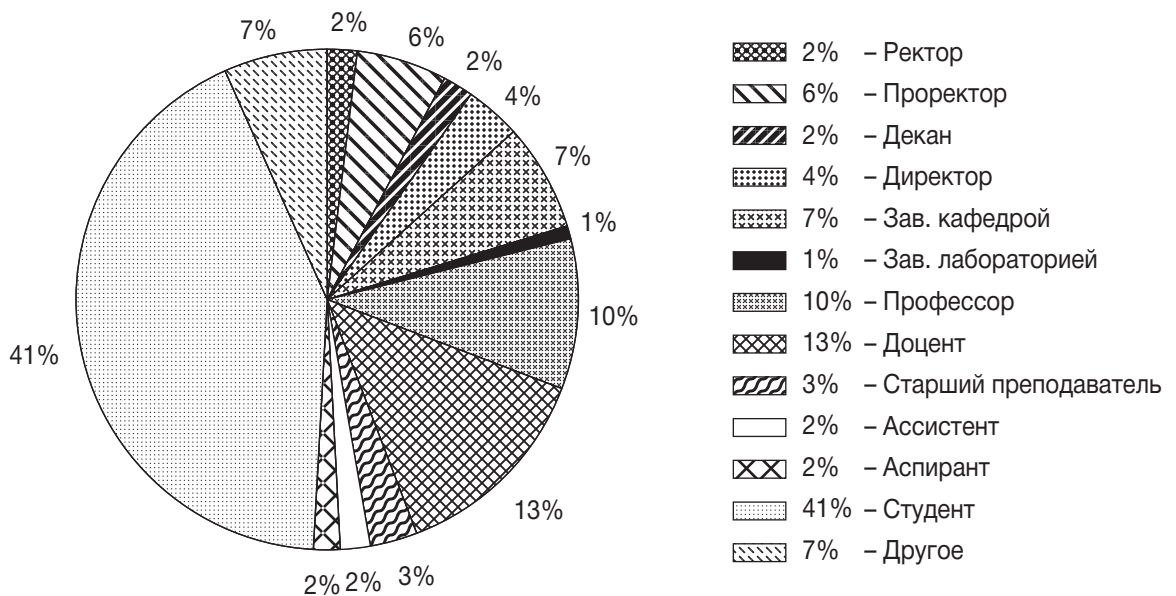
Выяснение целей зарубежных поездок показало преобладание участия в конференциях (76 человек) и стажировках (56), далее следуют преподавание или обучение (26) и совместное исследование (21) (см. Рис. 2).

Географическое распределение направлений международной академической мобильности (Рис. 3) подтверждает обнаруженные другими исследователями тенденции: наибольшая часть поездок приходится на Европейские страны (47%) и США и Канаду (20%). Важно отметить существенное различие, обнаруженное при анализе полученных данных, а именно значительную долю поездок в страны СНГ (13%) и Азии (13%).

По данным, предоставленным Управлением международных связей НГТУ, в 2005 г. в международных поездках участвовали 104 человека, из них 70 человек (67,3%) представляли естественные науки и 34 человека (32,7%) – гуманитарные. Данное распределение является вполне ожидаемым для технического вуза.

Распределение участников международной академической мобильности по положению, занимаемому в университете, показано на Рис. 4.

Таким образом, мы видим, что наиболее активно в международных поездках принимали участие студенты (41%), доценты (13%), профессора (10%), заведующие кафедрой (7%) и проректоры (6%). В отличие от ТГУ, необходимо отметить отсутствие поездок научных сотрудников, а также очень незначительное число поездок аспирантов (2%). Отличительной особенностью международной академической мобильности НГТУ является преобладание студенческой мобильности. Как пояснили в Управлении международных связей НГТУ, это связано с реализацией програм-

Рис. 4. Должностной статус участников международной мобильности, НГТУ (2005 г.)

мы студенческих обменов с Китаем (КНР) за счет самих студентов.

«Представительскую» мобильность, т.е. поездки людей, занимающих высокое положение в административной иерархии университета (ректорат, деканы, директора, заведующие кафедрами и лабораториями), характеризуют следующие показатели: наибольшую международную активность демонстрируют заведующие кафедрами (7%), проректоры (6%) и директора (4%). Наименьшая доля мобильности приходится на заведующих лабораториями (менее 1%), ректора (менее 2%) и ассистентов (менее 2%).

На основании этих данных можно указать на различие кадрового состава участников международной мобильности в ТГУ и НГТУ:

1. Для НГТУ характерна студенческая мобильность (41%), в ТГУ соответствующий показатель составляет лишь 17%.

2. В НГТУ более высокая «представительская» мобильность (поездки представителей ректората НГТУ составляют более 7%, тогда как в ТГУ – 1%).

3. Доли поездок заведующих кафедрами и лабораториями приблизительно равны (8%).

4. Профессора и доценты более активно участвуют в международных поездках в ТГУ – 40% суммарно, в НГТУ – 23% суммарно.

5. Поездки научных сотрудников не представлены в НГТУ, но и в ТГУ эта доля невелика (около 6%).

6. НГТУ демонстрирует более низкий уровень участия аспирантов в международной мобильности (менее 2%) по сравнению с ТГУ (7%).

Выяснение целей зарубежных поездок в НГТУ (Рис. 5) показало преобладание участия в образовательных программах (31 человек), конференциях (26) и равное участие в стажировках и совместных исследованиях (по 18 человек).

Приведенные данные подтверждает анализ кадрового состава участников международной мобильности НГТУ, выявивший преобладание студенческой мобильности. Полученное распределение можно сравнить с подобным распределением зарубежных поездок в ТГУ:

1. Для НГТУ характерна мобильность в целях обучения (30% по сравнению с 14% в ТГУ).

2. Участие в конференциях более активно реализуется в ТГУ (40%), чем в НГТУ (25%), хотя занимает значительную долю всех международных поездок в обоих вузах.

3. Стажировки более активно реализуются сотрудниками ТГУ (31%), чем НГТУ (17%).

4. Совместные исследования с большим успехом осуществляются в НГТУ (17%), в ТГУ – 12%.

Географическое распределение направлений международной мобильности в НГТУ (Рис. 6) существенно отличается от тенденций, характерных и для России в целом, и для ТГУ – в частности.

Наибольшая часть поездок приходится на Азиатские страны – 65%, что почти в 6 раз превышает общероссийские показатели (11,8% – по количеству грантов и контрактов и 14,1% – по объему финансирования). По сравнению с мобильностью в ТГУ этот показатель превышен в 5 раз. На страны Европы приходится 28% по-

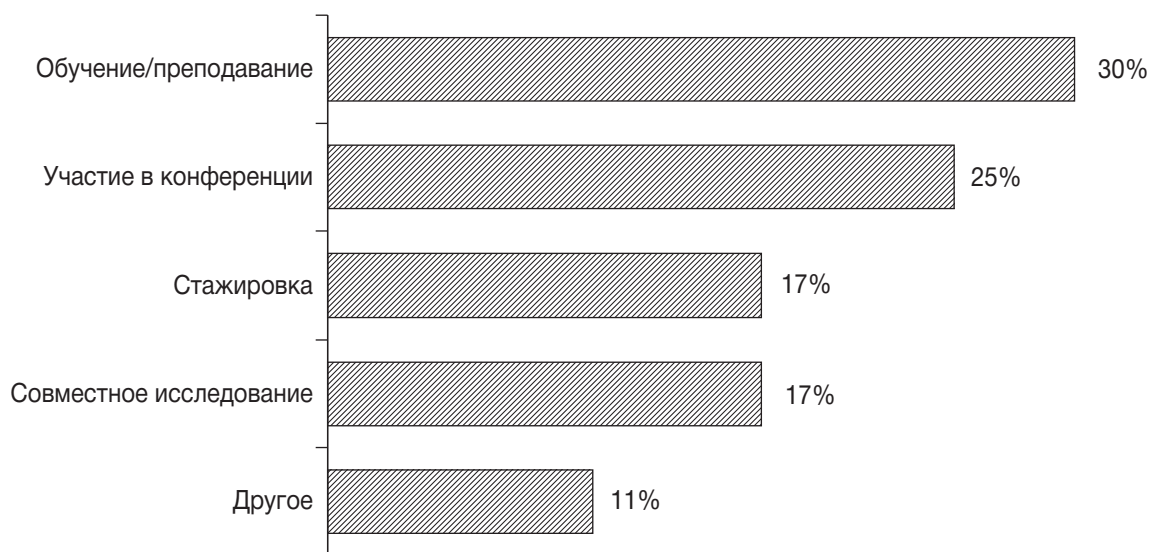
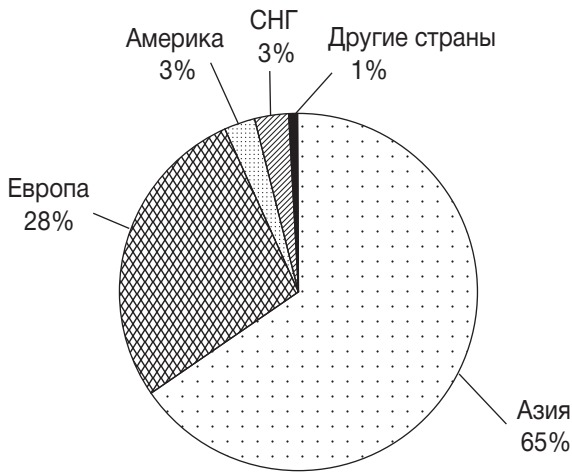

Рис. 5. Цели зарубежных поездок, НГТУ (2005 г.)

Рис. 6. Направления международной мобильности, НГТУ (2005 г.)

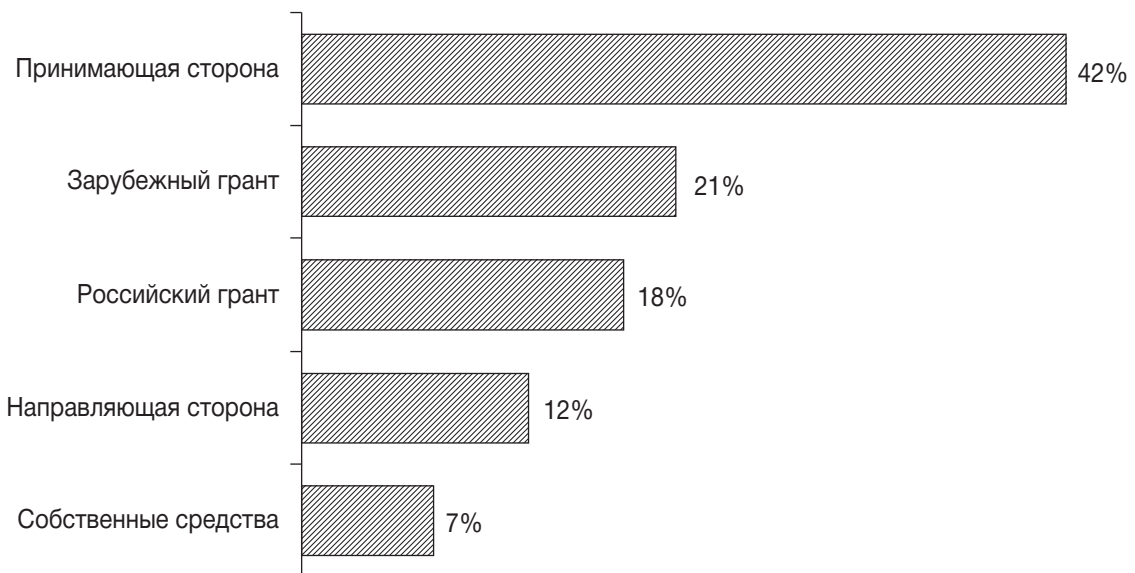
ездок, что значительно меньше показателя ТГУ (47%); на страны Северной Америки только 3%, что ниже показателя ТГУ почти в 7 раз (20%). Показатель количества грантов и контрактов по стране с Америкой составил в 2004 г. 33,9%, по объемам финансирования – около 36%. Международная мобильность со странами СНГ находится на том же уровне, что и со странами Северной Америки, и составляет 3%, что меньше показателя ТГУ в 4 раза (13%).

Приведенные данные показывают наличие существенных приоритетов – географических и целевых, существующих в ТГУ и НГТУ. Для ТГУ, так же как и для российских вузов, наиболее характерна ориентация на развитые стра-

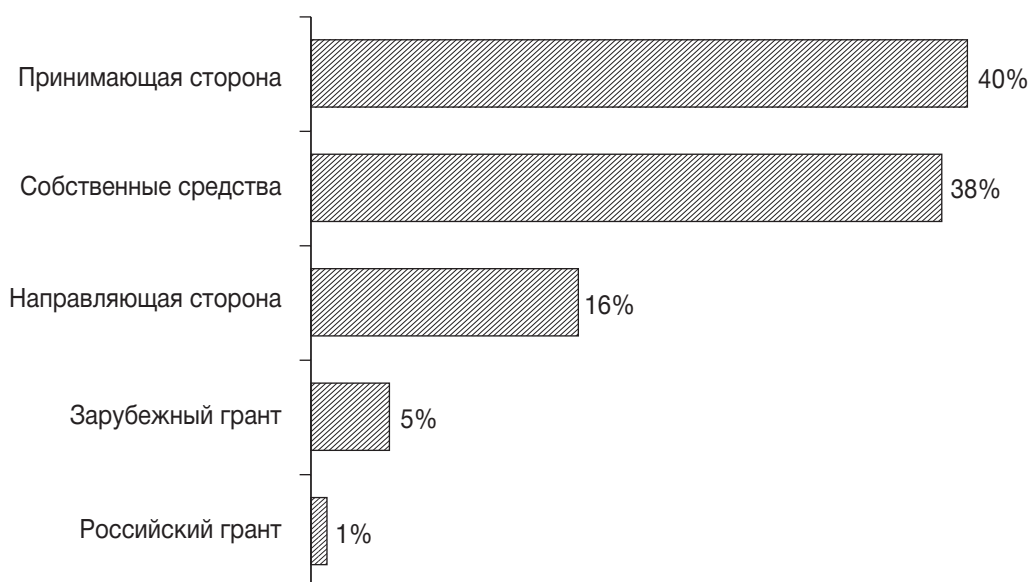
ны Европы и Америки и поддержание контактов на равном уровне со странами СНГ и Азии. Для НГТУ характерна ориентация на активно развивающиеся страны Азии (Япония, Южная Корея, Китай, Таиланд, Гонконг, Тайвань). Интересно отметить, что ТГУ и НГТУ участвуют в программах международной мобильности с другими странами, стремящимися выйти на международный рынок образовательных услуг и научных исследований (Турция, Египет, ОАЭ, Индия, Бразилия). Однако на данном этапе в этом направлении ТГУ опережает НГТУ (7% таких поездок в ТГУ, 1% – в НГТУ).

В целях сравнения международной мобильности ТГУ и НГТУ была предпринята попытка выявить источники финансирования подобных поездок (Рис. 7, 8). При обработке данных они были классифицированы следующим образом: принимающая сторона; собственные средства; направляющая сторона; зарубежный грант; российский грант. Под собственными средствами понимались личные средства человека, выезжающего за границу.

Сопоставительный анализ данных показывает приблизительно равную долю международных поездок, оплачиваемых за счет принимающей стороны (ТГУ – 42%, НГТУ – 40%), сопоставимы по доле также поездки за счет направляющей стороны (ТГУ – 12%, НГТУ – 16%). Однако ряд показателей существенно различается: мобильность за счет зарубежных грантов (ТГУ – 21%, НГТУ – 5%); мобильность за счет российских грантов (ТГУ – 18%, НГТУ – 1%). Наибольший контраст представляют дан-

Рис. 7. Источники финансирования международной мобильности, ТГУ (2005 г.)

Рис. 8. Источники финансирования международной мобильности, НГТУ (2005 г.)

ные по поездкам за счет собственных средств: НГТУ – 38%, ТГУ – 7%.

Более успешной следует признать деятельность сотрудников и студентов ТГУ по участию в международных и российских научных грантах и программах, поддерживающих международную мобильность. Полученные результаты показывают, что региональные вузы Сибири развивают связи с географически близкими регионами Азии, а также странами СНГ. Первая тенденция отражает растущий интерес азиатских стран к России и их желание сотрудничать с более близкими и наименее избалованными зарубежным вниманием университетами Сибири. Кроме того, у ряда сибирских вузов еще в советский период были налажены контакты с Азиатскими странами, получившие дальнейшее развитие в новых условиях. Вторая тенденция может быть объяснена наличием традиционных связей университетов Сибири с Центральной Азией и сохранением или восстановлением таких контактов в настоящее время.

Явно выражены различия в успешности участия сотрудников вузов различных профилей в международной академической мобильности. Для классического университета, где на постоянной основе осуществляется массовая подготовка кадров высшей научной категории (аспирантов, докторантов), где существуют научные школы, реализующие фундаментальные научные исследования, участие в международных академических программах более выражено и успешно, причем в сотрудничестве со странами, в которых наиболее развиты фун-

даментальные исследования (страны Европы и Северной Америки) и которые ориентированы на поддержку академических контактов с российскими университетами. Обнаруженные тенденции соответствуют показателям развития вузовской науки по стране в целом.

Для вуза технического профиля, который в большей степени ориентирован на прикладные исследования и разработки, интеграция в международное научное сообщество имеет определенную специфику. Среди стран, с которыми налажено сотрудничество, преобладают страны, сделавшие ставку на инновационные проекты и применение научно-технических разработок в производстве, а не на теоретические исследования. Более активная «представительская» мобильность может быть частично объяснена особенностью общения с азиатскими партнерами – более выраженной иерархичностью контактов, а также необходимостью подкреплять сотрудничество формальным подписанием соглашений.

Изучение особенностей участия вузов Сибирского федерального округа в программах международной академической мобильности с использованием метода анкетного опроса

Следующим этапом исследования стало проведение анкетного опроса среди профессорско-преподавательского состава ТГУ, НГТУ и ТГАСУ. Необходимо отметить, что эти данные

ни в коем случае не являются репрезентативными и не претендуют на таковые. Скорее, это попытка выявить и соотнести некоторые важные характеристики участников международных программ с индикаторами и данными, полученными другими способами. При составлении анкеты преследовались следующие цели: определить особенности международной академической мобильности именно с точки зрения качественных характеристик участников МАМ (возрастных, гендерных, профессиональных, статусных, дисциплинарных индикаторов); определить степень важности знания иностранного языка; выявить дисциплинарное соотношение участников программ МАМ; определить страновую направленность мобильности и классифицировать цели поездок.

Реализация целей и задач данного этапа исследования осуществлялась посредством анкетного опроса, методология которого заключалась в следующем. В отделы и управления международных связей вузов были разосланы анкеты для заполнения. Управления международных связей распространяли анкеты через деканаты факультетов, после чего анкеты передавались каждой кафедре факультета. От каждой кафедры в опросе участвовали 3–5 сотрудников, представляющих разный уровень профессионального развития (от ассистента до заведующего кафедрой и декана). Для организаторов опроса крайне важным являлось участие в опросе следующих категорий сотрудников: а) заведующий кафедрой, отделом, лабораторией; ведущий ученый; наиболее перспективный молодой ученый; и б) сотрудники, выезжавшие за границу с целью международного научного и (или) образовательного сотрудничества. На наш взгляд, именно указанные категории сотрудников имеют возможность влиять на развитие академической мобильности в своей организации через распространение информации по административным и неформальным каналам; содействовать академической мобильности своих сотрудников в рамках проведения совместных исследований; оказывать административную поддержку академической мобильности с целью повышения рейтинга подразделения вуза.

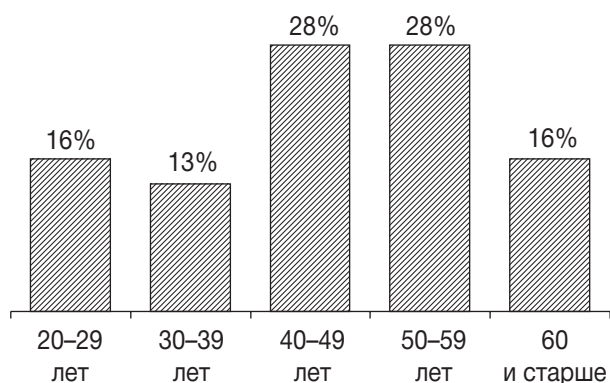
Анкеты были анонимными и содержали два раздела:

- В первом разделе необходимо было указать: возраст; пол; ученую степень, специальность (ВАК); занимаемую должность; уровень знания иностранного языка; отметить разделы наук, от-

носящиеся к сфере научных интересов; и соответствие научных интересов приоритетным направлениям 6-й Рамочной программы ЕС.

- Во втором разделе необходимо было указать: программы академической мобильности, в которых приходилось участвовать; направленность проектов (исследования, обучение, реформа высшей школы, конференция, преподавание в России); примерное число международных проектов, в которых участвовали (индивидуальных или коллективных); основные страны-партнеры; способы получения информации о конкурсах, в которых приходилось принимать участие; страны, которые приходилось посещать по программам международного научного сотрудничества; цели поездок (стажировка; совместное исследование; участие в конференции; ознакомление с работой организации-партнера; переговоры или подписание соглашения); способы установления контактов с зарубежными партнерами (по научным публикациям; на конференциях; по рекомендации других зарубежных коллег; с помощью (бывших) российских ученых, работающих за границей; с помощью коллег из России; из баз данных о поиске партнеров для совместных проектов); выявление инициаторов международных проектов (администрация организации; самостоятельно; научный руководитель; другие российские ученые; (бывшие) российские ученые, живущие или работающие за рубежом; зарубежные партнеры); а также мотивация участия в международном научном сотрудничестве (дополнительный заработок; участие в совместных проектах полезно для научной работы; профессиональный рост; престиж; возможность посмотреть мир).

В ходе опроса было получено 76 анкет из трех университетов: ТГУ (28 анкет), ТГАСУ (11 анкет) и НГТУ (37 анкет). Распределение по возрасту участников исследования в диапазоне от 25 до 76 лет представлено на Рис. 9. Данные совпадают с общим распределением ППС в России в вузах, где, несомненно, ощущается дефицит сотрудников в возрасте 30–39 лет, преобладающей возрастной группой являются сотрудники в возрасте от 40 до 59 лет, и начинает в последние годы увеличиваться доля молодых сотрудников (до 29 лет).

Рис. 9. Распределение респондентов по возрастным группам

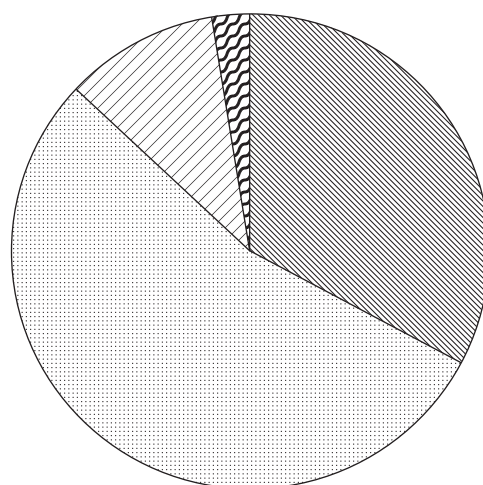
В анкетировании приняли участие 42 мужчины и 34 женщины – 55,3% и 44,7% соответственно. Большая часть респондентов обладала ученой степенью – суммарно 86,8% (Рис. 10).

Должностное положение участников опроса в цифровом выражении приведено в табл. 3.

Таблица 3. Распределение респондентов в зависимости от занимаемой должности

Должность	Кол-во человек
Декан	3
Директор	1
Заведующий кафедрой	20
Заведующий лабораторией	2
Профессор	12
Ведущий научный сотрудник	2
Доцент	20
Старший научный сотрудник	2
Старший преподаватель	8
Научный сотрудник	1
Ассистент	2
Аспирант	1
Не указана	2
Итого	76

Таким образом, в опросе участвовали руководители различного уровня (чуть более трети – 34, 2%), т. е. люди, от которых в той или иной степени зависит участие возглавляемого ими коллектива в научных и международных проектах.

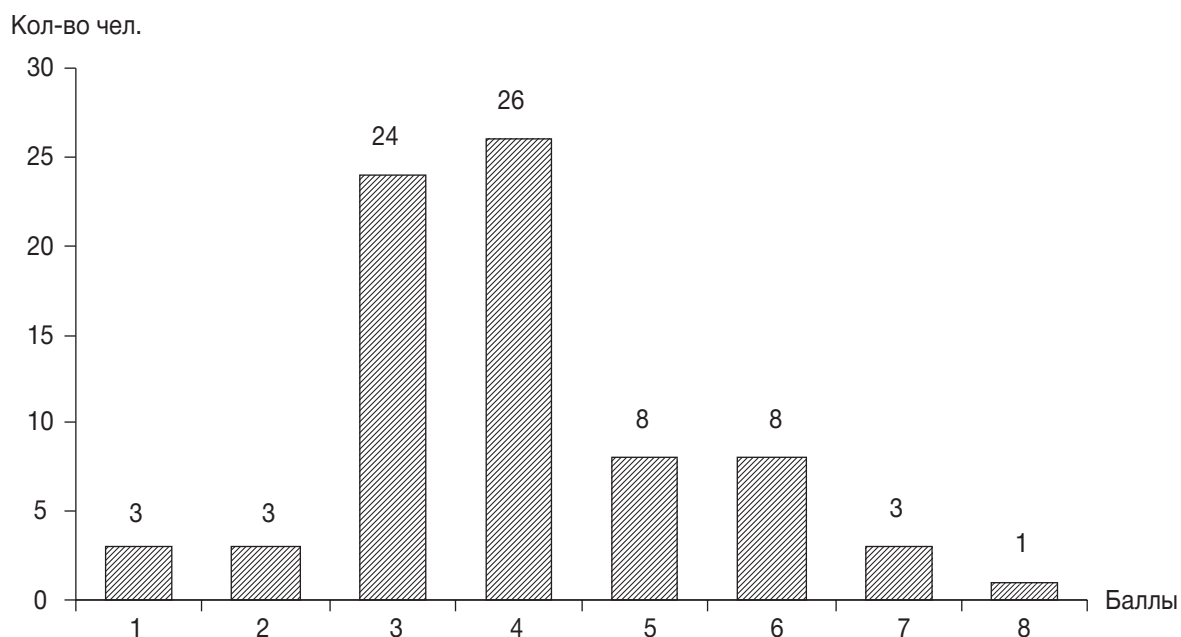

- Доктор наук
- Кандидат наук
- Без степени
- Не указано

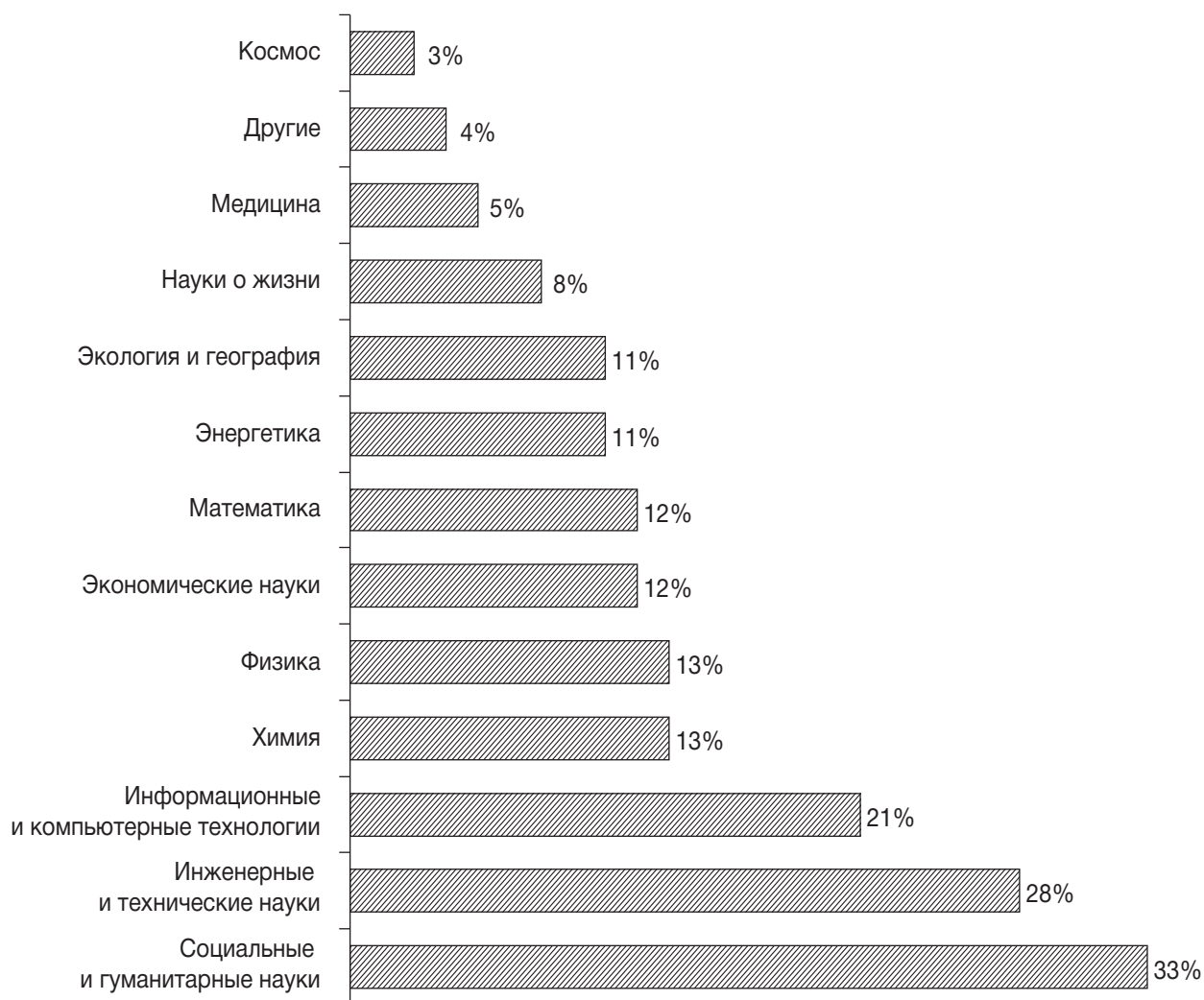
Рис. 10. Распределение респондентов в зависимости от научной степени

При самооценке знания иностранных языков по 3-балльной шкале (начальный, средний, хороший уровень знания), большинство респондентов отметили среднее и хорошее знание, 25 человек среди опрошенных знали 2 языка и 9 человек – 3 иностранных языка. При суммировании баллов было обнаружено, что в среднем на каждого из опрошенных приходится 3 балла. Диаграмма, построенная на основе соотношения баллов, полученных при самооценке знания иностранных языков, показывает, что большинство респондентов отмечают хорошее или среднее знание языков, и лишь весьма незначительная часть указывает на начальный уровень языковой подготовки или ее отсутствие (менее 1%). Тем более впечатляющими оказались показатели знания нескольких иностранных языков. Данное утверждение можно проиллюстрировать диаграммой, демонстрирующей соотношение суммирования баллов за знание языков, полученных респондентами (Рис. 11). Статистический анализ данных об уровне знания иностранных языков не выявил различий между мужчинами и женщинами.

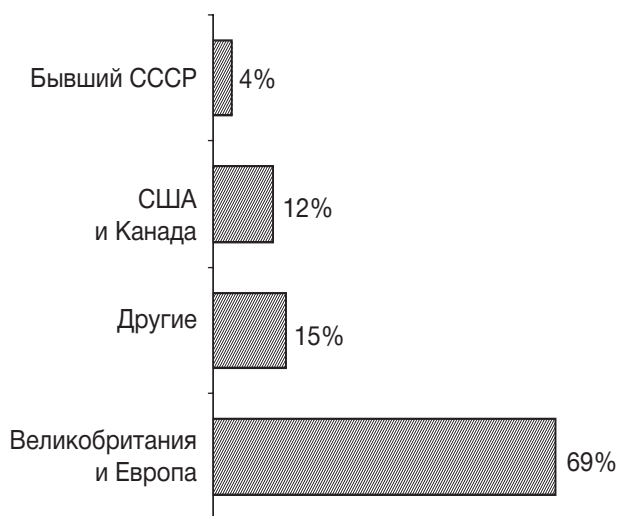
Распределение по сфере научных интересов выявило преобладание среди респондентов представителей естественных наук, что может быть частично объяснено участием в опросе двух инженерно-технических университетов (НГТУ и ТГАСУ). Так как многие участ-

Рис. 11. Самооценка знания иностранных языков

Рис. 12. Сфера научных интересов (с указанием более чем одной дисциплины)

Рис. 13. География реализованных проектов, связанных с МАМ

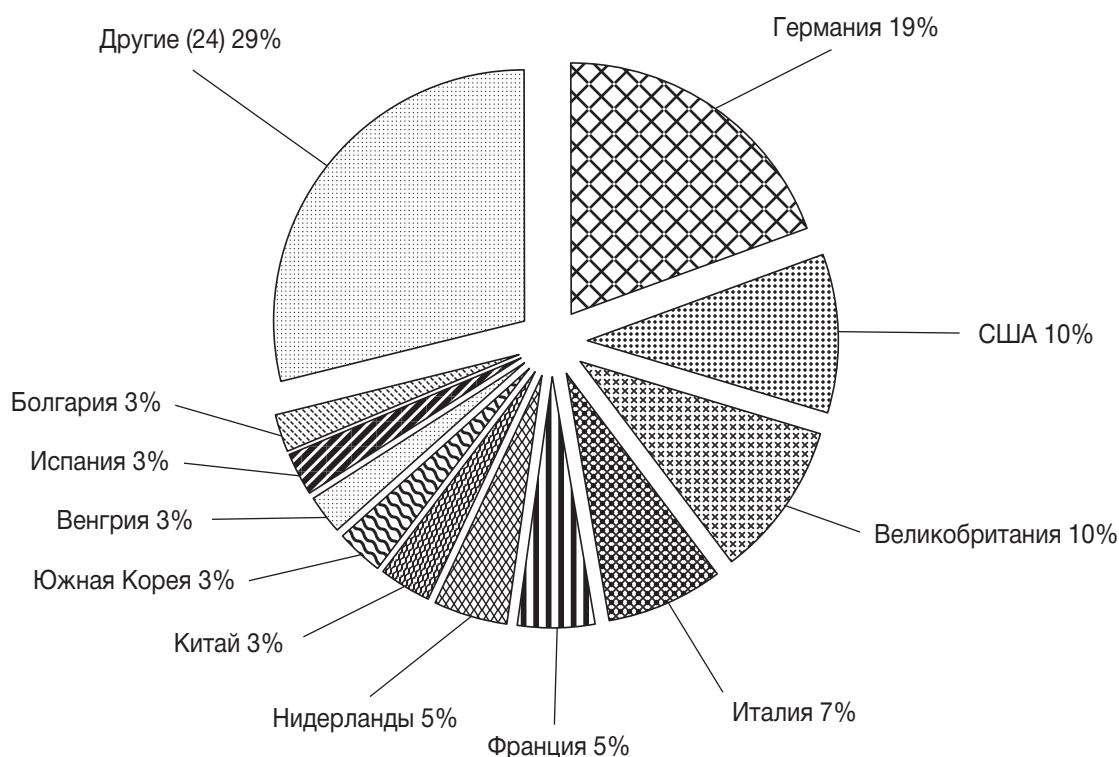
ники опроса указали больше одной сферы научных интересов, сумма процентов ответов превышает 100% и составляет 172%, что говорит о существенной междисциплинарной деятельности респондентов (Рис. 12).

В ходе опроса респондентов просили назвать те страны, которые они посетили в рамках международного научного сотрудни-

чества. Изучение полученных данных выявило преобладание европейского направления, значительно реже упоминается Северная Америка, а также страны Азии и СНГ, что отличает Сибирский регион от общероссийской статистики (Рис. 13). По данным, приведенным И.Г. Дежиной, «основная часть зарубежных фондов и организаций, осуществляющих деятельность в научно-технической сфере России, имеет американское происхождение (34,3%), затем следуют фонды и организации Великобритании (14,7%), потом организации международных ассоциаций и Европейского союза (10,7%), затем организации Германии (10,1%), Японии (5,8%) и Франции (4,1%)».

Изучение географии МАМ обнаружило значительное преобладание нескольких стран – Германии, США, Великобритании, Италии. Всего респонденты отметили 35 стран, которые они посетили по академическим программам (Рис. 14).

Изучение целей поездок выявило преобладание научных и образовательных программ (стажировка, совместное исследование). Менее распространены поездки с целью участия в конференции и поездки ознакомительного и протокольного характера. Данные, приведенные на Рис. 15, показывают соотношение различных видов поездок в общем числе ответов.

Рис. 14. Распределение направлений международной академической мобильности по странам

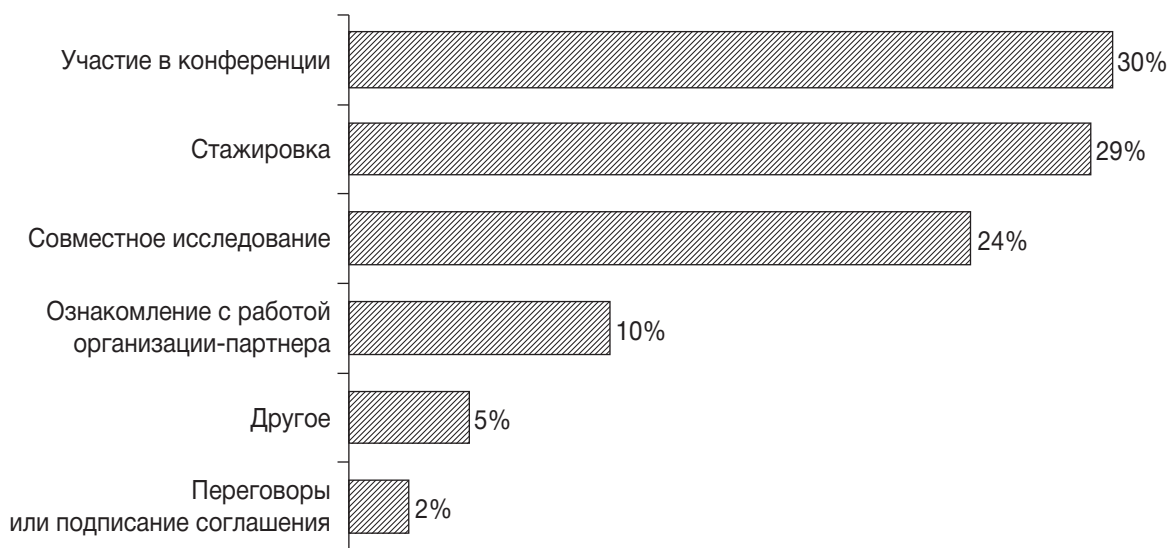
Статистический анализ показал, что распределение ответов о целях поездки не зависит от гендерной и статусной (кандидаты наук, доктора наук) характеристик (использовался метод χ^2 Пирсона).

Таким образом, можно сделать следующий вывод: участие в программах международной академической мобильности осуществляется на общепрофессиональном уровне, требует удовлетворительного знания одного или более иностранных языков и отражает включенность научных интересов участника в имеющиеся научные приоритеты. Примечательной особенностью участия в международных программах является высокий уровень включенности в научные мероприятия – конференции, исследования и стажировки. Это значит, что международное общение становится неотъемлемой составляющей профессиональной деятельности региональных ученых и преподавателей.

Особенно важно отметить, что старшее поколение активно участвует в международных программах, т. е. проблема изолированности советского периода успешно преодолена. Закрытость региона препятствовала изучению иностранных языков на уровне, необходимом, прежде всего, для общения, проведения совместных исследований, участия в международных конференциях, а международные программы начала 1990-х гг. были в основном рассчитаны на молодежь. Тем не менее это не привело к изоляции старшего поколения и его отторжению от международных контактов.

Кроме того, весьма любопытна направленность потоков научной кооперации. На сегодняшний день – это преимущественно страны Европы, Европейского союза, в то время как в начале 1990-х гг. большая часть международных академических программ была обращена к США. Эта тенденция объясняется, во-первых, сокращением числа американских программ для российских ученых, а во-вторых – одновременным повышением уровня вовлеченности российских ученых в европейские исследования и контакты. Заявленная стратегия ЕС, направленная на создание надграницной сферы образования, науки и исследований с Россией, подкрепляется конкретными финансовыми, административными и организационными действиями на уровне правительств и отдельных регионов, что приводит к повышению интенсивности международного научного сотрудничества. Многие европейские программы, разработанные специально для развития контактов с Россией в сфере науки, образования и технологий, не только находят поддержку со стороны российского научного сообщества, но и подкрепляются желанием российских ученых самостоятельно участвовать в исследовательских программах Европейских стран на общих основаниях.

Следующий аспект исследования был связан с определением факторов, влияющих на выбор партнеров и программ международной мобильности для участия. Была предпринята попытка определить, каким образом устанавливаются контакты с зарубежными партнерами по совместным проектам. Результаты ан-

Рис. 15. Цели зарубежных поездок

Рис. 16. Способы установления контактов с зарубежными партнерами

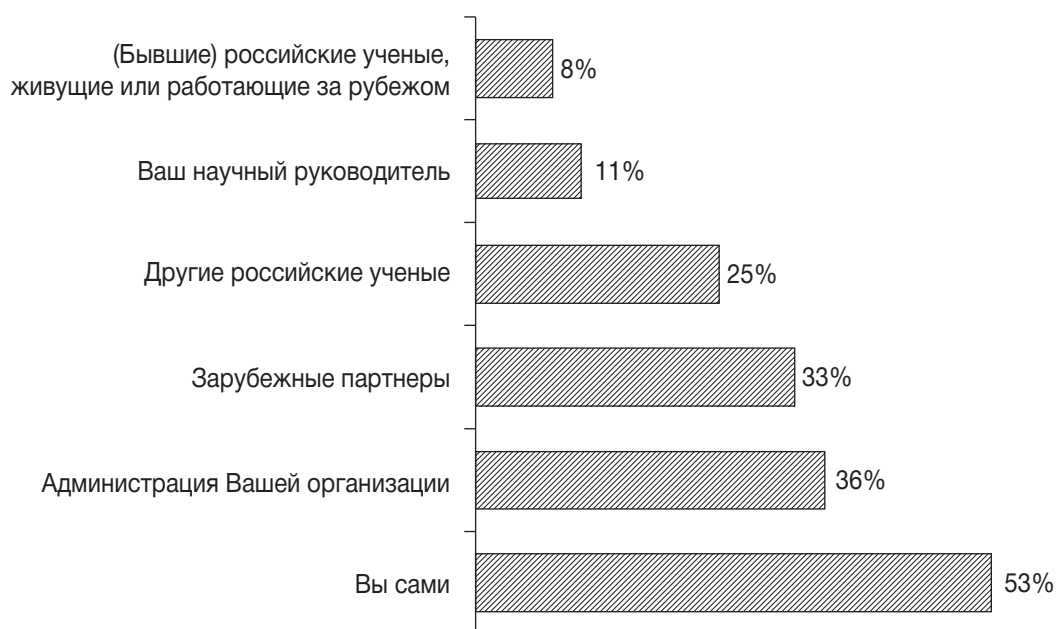
кетирования показали, что наиболее часто профессиональные контакты устанавливаются на конференциях, а также с помощью российских коллег. Следующим по популярности способом знакомства является рекомендация других иностранных коллег, далее следует знакомство по научным публикациям. Совсем редко в качестве способа установления профессиональных контактов упоминалась «помощь (бывших) российских ученых, работающих за границей». Это опровергает бытующее представление о том, что бывшие соотечественники, так называемая русская научная диаспора, помогают своим российским коллегам установить подобные связи. Скорее, это свидетельствует о том, что для русской зарубежной научной диаспоры являются несущественными профессиональные контакты с бывшими соотечественниками, которые к тому же могут оказаться конкурентами в профессиональной сфере. *Важно отметить и то, что надежды, возлагаемые на базы данных по поиску партнеров для совместных проектов, также не оправдываются и занимают последнее место по популярности среди ответов.* Возможно, это повод для того, чтобы обратить особое внимание на развитие качественных баз данных, к которым бы обращались как российские, так и зарубежные ученые при подготовке проектов.

Распределение ответов по способу установления контактов с зарубежными партнерами представлено на Рис. 16.

Статистический анализ показал, что *распределение ответов о способе установления научных контактов не зависит от гендерной и статусной* (кандидаты наук, доктора наук) характеристик (использовался метод χ^2 Пирсона).

Была сделана попытка выявления особенностей реализованных совместных проектов с зарубежными партнерами с помощью следующих показателей: инициатор научного сотрудничества; направленность реализованных проектов; географическое распределение партнеров; способы получения информации о конкурсах. Ответы показали, что наиболее значимыми оказались (по убыванию степени значимости): собственная инициатива, инициатива администрации организации, инициатива зарубежных партнеров, других российских ученых, научного руководителя, и инициатива бывших российских ученых, живущих или работающих за рубежом, получившая наименьшую оценку (Рис. 17).

Приведенные выше данные подтверждают, что собственная инициатива, несомненно, является залогом успешного участия в программах международной академической мобильности, но также показывают, что помощь в организации международной мобильности со стороны администрации, зарубежных и российских партнеров играет существенную роль. В целом это соответствует общей направленности стратегии научного развития российских университетов.

Примечание. Сумма ответов не равна 100%, так как респонденты могли указывать более одного инициатора, участвуя более чем в одном проекте.

Рис. 17. Инициаторы международных проектов

В ходе анализа было установлено, что распределение ответов по типам подключения к международным проектам **не зависит** от гендерной и статусной (кандидаты наук, доктора наук) характеристик (использовался метод χ^2 Пирсона).

Направленность реализованных проектов в целом совпадала с выявленными ранее тенденциями, хотя доли участия показывают преобладание исследований над участием в конференциях. Наибольшая часть пришлась на «исследования», далее следует «обучение», затем «конференция» и «преподавание в России». На Рис. 18 представлено распределение ответивших на данный вопрос (50 человек из 76, или около 66%).

Распределение ответов о зарубежных партнерах по реализованным проектам вновь показало значительное преобладание европейских партнеров над американскими и партнерами из стран СНГ (бывшего СССР) (Рис. 19).

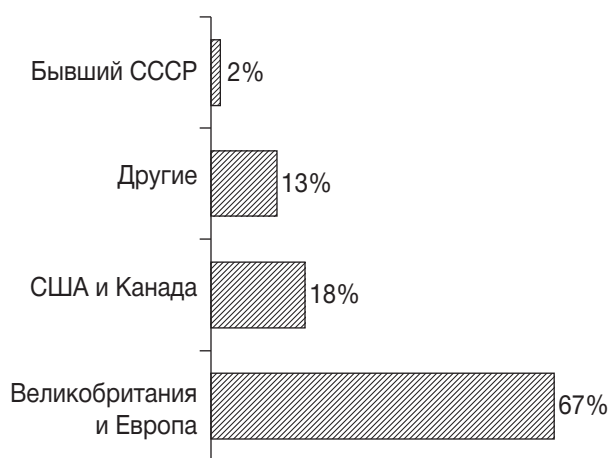
Были изучены способы получения информации о конкурсах, в которых принимали участие респонденты. На этот вопрос ответили только 50 респондентов (т. е. около 66%). Было получено 94 ответа. К четырем, почти равно популярным ответам, относятся: «из Интернета», «от зарубежных партнеров», «от администрации организации» и «от коллег». В меньшей степени имело значение получение информации от научного руководителя,

Примечание. Сумма не равна 100%, так как респонденты могли указывать более одной цели проекта, участвуя более чем в одном проекте.

Рис. 18. Цели реализованных международных академических проектов

по подписке на новости и из средств массовой информации (Рис. 20). Одно из возможных объяснений активного участия администрации в распространении информации о зарубежных

Рис. 19. Географическое распределение зарубежных партнеров по реализованным проектам

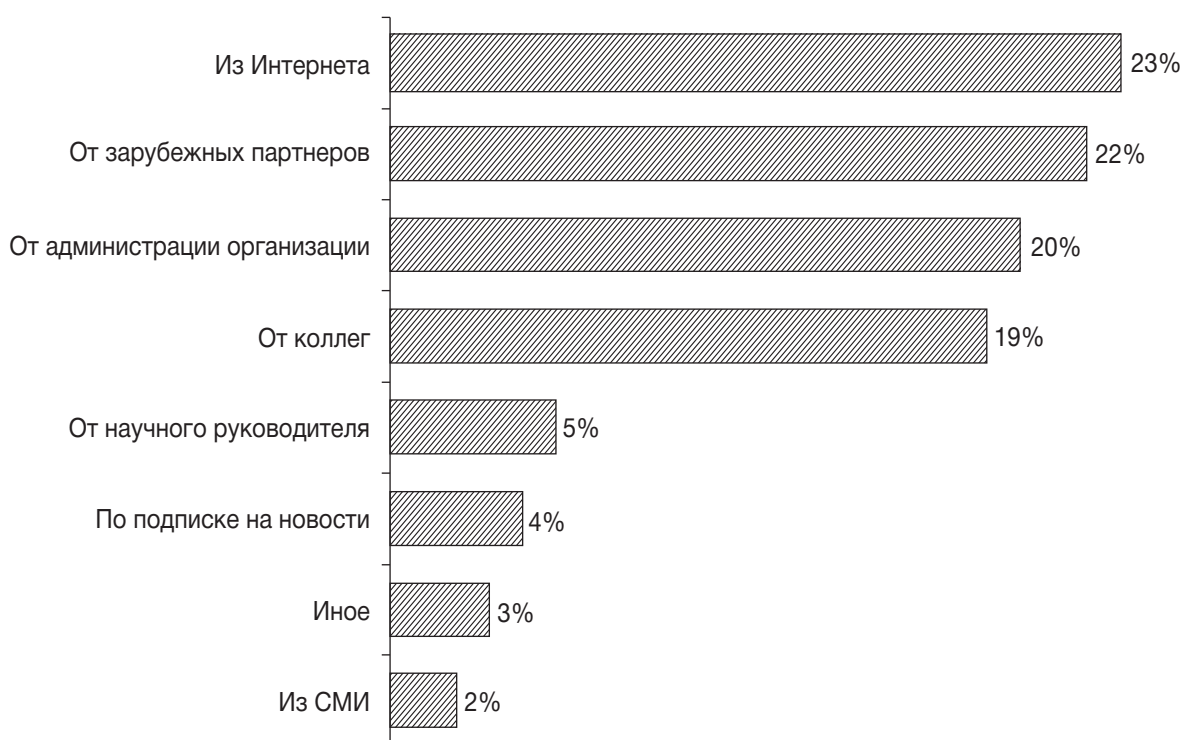
программах заключается в высоком проценте участия представителей администрации вузов в данном опросе (34%) и, возможно, их высокая оценка собственной деятельности в данном направлении. Другим объяснением может быть предположение, что информация о международных программах, особенно коллективных грантах, продолжает традиционно распространяться по иерархической схеме –

от управлений и отделов международного сотрудничества университетов к деканатам и кафедрам. Дополнительным аргументом в пользу данного предположения выступает важность той роли, которую играют деканы и заведующие кафедрой при участии в коллективных проектах – фактически именно они подтверждают участие коллектива в гранте и определяют состав участников. Однако проверка данных предположений требует проведения более глубокого исследования, поэтому в рамках настоящего обзора они приводятся лишь как гипотеза.

Статистический анализ показал, что распределение ответов по способам получения информации о конкурсах не зависит от гендерной и статусной (кандидаты наук, доктора наук) характеристик (использовался метод χ^2 Пирсона).

Заключение

Изучение факторов, влияющих на активность участия в международной академической мобильности ППС вузов Сибирского региона, позволяет говорить о существовании несомненной связи между общим уровнем научных и профессорско-педагогических кадров учрежде-

Рис. 20. Способы получения информации о зарубежных программах, в которых респонденты принимали участие

ния, степенью вовлеченности в исследования на национальном уровне и степенью участия в международных академических программах. В классическом университете, где осуществляется массовая подготовка научных кадров всего спектра – от специалиста до доктора наук, преобладают контакты по линии фундаментальных исследований с Европейскими странами. Для технических вузов более характерны международные контакты с новыми индустриальными странами Азии и Ближнего Востока по линии прикладных разработок и, возможно, обусловленная культурными особенностями региона «представительская» мобильность.

Углубленное изучение особенностей международной академической мобильности на основе проведенного анкетирования позволяет сделать следующие выводы. Преобладающими целями поездок являются обучение, научные стажировки и участие в конференциях. Финансирование преимущественно осуществляется за счет принимающей стороны, российских грантов, средств университета и частично за счет личных средств студентов, участвующих в программах международного обмена. Важнейшее значение для участия в программах МАМ имеют личная инициатива, хорошее знание иностранных языков и достаточный профессиональный уровень. География международных проектов показывает активность азиатского направления, а также рост числа контактов со странами СНГ, особенно с Центральной Азией. Европейские программы более популярны, чем североамериканские, причем наиболее активными странами являются Германия и Великобритания. Не было обнаружено статистически подтверждаемой гендерной составляющей по основным аспектам исследования. Не обнаружено возрастного разрыва среди участников международной академической мобильности, хотя это характерно для высшей школы в целом (незначительное количество ППС в возрасте 30–40 лет). Преобладающими формами установления контактов для развития научного партнерства являются личные контакты (знакомство на конференциях и рекомендация научного руководителя). Такие способы установления научных международных контактов, как создание баз данных, Интернет-рассылки, были оценены участниками анкетирования весьма незначительно.

Данное исследование подтвердило некоторые эмпирические наблюдения участников проекта, что заставляет критически оценивать тенденции развития науки в России в целом.

В российской науке сложилась парадоксальная ситуация, которая усугубляется с каждым годом: 1) возможности региональных ученых участвовать в международных проектах существенно превышают возможности развития академических связей внутри страны; 2) многие научные контакты между российскими учеными поддерживаются преимущественно зарубежными грантами. Получается, что зарубежные грантодатели (преимущественно европейские и североамериканские) в большей степени заинтересованы в развитии научных связей между российскими учеными, чем российские государственные и негосударственные агентства.

В отношениях с азиатскими партнерами обнаруживается другая тенденция. Региональные вузы, особенно технические, нередко становятся более выгодными партнерами для реализации образовательных, научных и прикладных проектов, чем столичные вузы. Эту тенденцию можно объяснить географической близостью и, следовательно, меньшими коммуникационными затратами, большей готовностью региональных вузов к таким проектам, меньшим уровнем притязаний (материальных и организационных). Стремительно развивается студенческая мобильность в Азиатские страны и из Азиатских стран, что может стать основой для структурирования прямых связей между регионами и азиатскими партнерами в будущем. Азиатские страны все чаще ориентируют программы подготовки своих специалистов (студентов и аспирантов) на сибирские вузы, что имеет ряд объяснений. В Сибири расходы на образование и проживание ниже, чем в столицах. При этом качество получаемого образования сопоставимо. Уровень толерантности в отношении студентов из Азии в Сибири гораздо выше, чем в столицах, хотя проявления ксенофобии существуют и здесь.

Отмеченные тенденции показывают, что региональные вузы способны успешно конкурировать со столичными центрами в борьбе за зарубежные гранты и проекты, однако отечественная наука в условиях конкуренции и децентрализации теряет важнейшую основу для развития – наличие устойчивых рабочих связей между региональными и столичными научными центрами. Авторы далеки от мысли, что восстановление централизации является адекватным ответом на отмеченные негативные тенденции. Централизация, скорее, восстановит преимущественное распределение в пользу столиц, как это было в советское время. Однако осознание указанной проблемы

должно стимулировать поиск стратегий для укрепления и развития российской науки как целостной интегрированной системы, а не сети разрозненных, в разной степени успешных центров, борющихся за финансирование своих проектов.

Литература

1. *Арефьев А.Л.* Зарубежные стажировки: социологический анализ // Образование: исследовано в мире. Международный научный педагогический журнал с библиотекой-депозитарием. 25 января 2004.
2. *Бацын В.К.* Международное сотрудничество российской высшей школы // Международное сотрудничество в сфере образования. 1997. № 4.
3. *Водичев Е.Г.* Европейский союз и Сибирь. Опыт реализации технического содействия в Сибирском регионе. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2004.
4. *Востриков А.С., Гринь А.М.* Некоторые проблемы развития вузов на примере высшей школы Новосибирска // Университетское управление. 2004. № 3 (31). С. 31–43 (<http://ecsocman.edu.ru/univman/msg/212774.html>).
5. *Гущина А.М.* Развитие международной деятельности НГТУ (НЭТИ) в 1953–1992 гг. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Томск, 2006.
6. *Дежина И.Г.* Тенденции и результаты грантового финансирования российской науки // Мировая экономика и международные отношения. Март 2006. № 3. С. 95–105.
7. *Дмитриев Н.М.* Экспортный потенциал российских вузов. М.: Минобрнауки РФ; РУДН, 2003.
8. Инновационная образовательная программа в классическом (исследовательском) университете как базовой институциональной структуре национальной инновационной системы. Томск, 2006.
9. *Князева С.Ю.* Международное научно-техническое сотрудничество и система его информационного обеспечения / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Новосибирск, 2000.
10. *Куперштох Н.А.* Научные школы России и Сибири: проблемы изучения // Философия науки. 2005. № 2 (25). С. 93–106.
11. Межведомственная программа «Разработка и реализация модели территории инновационного развития на примере Томской области». Результаты 2004 г. Томск, 2005.
12. Модернизация национальной системы высшего образования и проблемы интеграции вузов России в мировое образовательное пространство // Материалы Всероссийской конференции с международным участием. Новосибирск, 2005.
13. Научный потенциал вузов и научных организаций Минобрнауки России: Статистический сборник. 2001 (или 2002).
14. Научный потенциал вузов Сибирского федерального округа: Статистический сборник. 2001 (или 2002).
15. Научный потенциал вузов и научных организаций Федерального агентства по образованию: Статистический сборник. 2004 (или 2005).
16. Научный потенциал вузов Сибирского федерального округа, 2004 (или 2005).
17. Основные результаты деятельности системы высшего и среднего профессионального образования Томской области / Комитет по высшему и среднему профессиональному образованию; Комитет по науке и инновационной политике Администрации Томской области. Томск, 2005.
18. *Сидоренко Е.В.* Методы математической обработки в психологии. СПб., 2002.